

О П И С А Н І Е
в с ѣ х ѣ
в Ѣ р о с с і й с к о м ѣ г о с у д а р с т в ѣ
о б и т а ю щ и х ѣ
Н А Р О Д О В Ѣ,
такъ же
и х ѣ ж и т е й с к и х ѣ о б р я д о в ѣ, в ѣ р ѣ,
о в ы к н о в е н і й, ж и л и щ ѣ, о д е ж д ѣ,
и
п р о ч и х ѣ д о с т о п а м я т н о с т е й.

Ч А С Т Ь Т Р Е Т І Я.
С Е М О Я Д С К І Е, М А Н Д Ж У Р С К І Е
и
В О С Т О Ч Н Ы Е С И Б И Р С К І Е
Н А Р О Д Ы.

Переведено съ Нѣмецкаго.

ПЕЧАТАНО ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ

и живиеніемъ книгопродавца К. В. Миллера,

у содержателей вольной типографіи Вейтбрехта и Шнора,
1777 года.

ТУНГУЗЫ.

Тунгузы называются сами Евоенами, по тому, что праотца ихъ звали Евоеномъ, также Донками, а иногда, по примѣру многихъ Сибиряковъ, и просто людьми (Тунг. Боге). Енисейскіе Опяки и Татара называютъ ихъ такъ, какъ и Россіяне, Тунгузами, производя названіе сіе ломано отъ слова Донки или отъ Тонгонъ, наименованія ихъ Князька, либо и отъ Татарскаго слова Тунгузъ, свинья, которымъ названіемъ гордые Татара хотѣли конечно изъяснить ихъ уничиженность и гадкое житіе. Въ прочемъ называютъ ихъ Манджуры Соломами, стрѣльцами, и Орончонами, оленоводцами, отъ слова Оронъ, олень, Монгалы же и Буряты Хамъ Ногонами и Ссолонами.

Пустыни ихъ простираются съ Запада на Востокъ, отъ Енисея за Лену до самаго Амура и Восточнаго моря. Отъ Юга къ Сѣверу живутъ они между 53 и 65 степенемъ Сѣверной широты; и слѣдовательно не касаются ни Соонгарскихъ границъ, ни береговъ Ледовитаго моря. Но они будучи весьма миролюбивы, не всѣми сими пустынями владѣютъ одни: но во многихъ мѣстахъ живутъ съ ними совокупно и въ смежности Опяки, Семояди, а особливо Якушы. Около Амура и за онымъ кочуютъ обще съ Манджурами и Китайскіе Тунгузы. Мѣста ихъ, выключая при Амурѣ лежащія, по большой части, какъ и Якутскія, лѣсисты, да при томъ болотны и гористы, равно холодны и суровы такъ, что мало гдѣ можно бы завести усадьбы по Европейскому вкусу.

Россіяне получили самое первое извѣстіе о Тунгузахъ отъ Енисейскихъ Опяковъ, и начали съ 1607 году стараться, чрезъ посылку изъ Мангазея Козаковъ, о покореніи оныхъ. Тогда подвластны были многія Тунгузскія поколѣнія вышесеннымъ недавно изъ Монголіи Бурятамъ. Во время Россійскихъ нападений оказали Тунгузы больше мужества, нежели другіе Сибир-

Мунзэ на охотѣ.
 Ein Tungus im Jagd-Kleid.
 Un Tungouse en habit de chasse.

Сибиряки, и ни какое поражение не могло ихъ принудить къ оспавленію занятыхъ ими подѣ жилищъ свои мѣстѣ. Преодо-
лѣнные бунповали въ послѣдовавшія времена нѣсколько крапѣ;
и въ 1640 году Ленскіе Тунгузы у собиравшей подати вы-
щипали бороды. Живущіе на Западной споронѣ Байкала Тун-
гузы покорились Россіи не прежде, какъ въ 1643, на Восточ-
ной же споронѣ и при Витимѣ обитающіе въ 1657 году.

Они раздѣляются по Восточному обыкновенію на колѣна,
а сіи на роды. Каждый родъ (Тагаунъ) производитъ нача-
ло свое отъ какого ни есть храбростію, силою, изобиліемъ
въ скопѣ и дѣтяхъ, а иногда и благоразуміемъ, прославивша-
гося родоначальника, называется по его имени, и всѣ въ ономъ
находящіеся считаются кровными между собою родственни-
ками. Нѣсколько же таковыхъ родовъ считаются между со-
бою родствомъ по своимъ родоначальникамъ, и соединяются по
тому въ колѣна. Умѣющіе породу свою выводить прямою до-
рогою отъ знатныхъ родоначальниковъ, составляютъ ихъ
дворянство (Отериканъ), изъ коего выбираютъ они наипаче
семейственныхъ спаршинъ (Даруга); въ случаѣ же недостап-
ка въ добрыхъ дворянахъ, выбираютъ они ихъ изъ зажиточ-
нѣйшихъ и отважнѣйшихъ людей. Въ прежнія времена выби-
рало нѣсколько родовъ общаго себѣ Сайзана; а изъ числа сихъ
бывалъ одинъ Князькомъ поколѣнья и назывался Тонѣономъ и
Тоѣономъ. Онъ подобенъ былъ въ разсужденіи власти Хану Та-
парской орды. Нынѣ же причитаются таковыя семейства
совокупно и обще съ ихъ Даругасами, отъ Россійскаго пра-
вительства въ семъ званіи утвержденными, такъ же съ нѣ-
сколькими еще существующими Сайзанами, и еще меньшимъ
числомъ Тоѣономъ, для большей удобности въ надзираніи и со-
бирании подати къ Округамъ, острогамъ и зимовьямъ, кото-
рыя мало по малу между народамъ симъ заведены.

По сему раздѣленію принадлежало въ 1766 году, по счи-
сленію мужеска пола, въ Якуцку 16 родовъ, а душъ 1291;
къ Охотскому округу 27 родовъ, а душъ 1862; къ Кучидай-
скому, Баунтскому и Баргузинскому острогу и зимовьямъ

на верхней Ангартъ 13 родовъ, а душъ 1025, которые всѣ кочуютъ на Сѣеровосточной сторонѣ Байкала и состоятъ подъ смотрѣніемъ Россійскаго управителя въ Багузинѣ; въ Нерчинскихъ заводскихъ горахъ кочуетъ при Ингодѣ, Ононѣ, Шилахъ и Аргунѣ до самаго Амура 15 родовъ, изъ коихъ Дулегатской всѣхъ ближе къ Амуру. Всѣми ими управляетъ Князь Каитимуровъ, крестившійся Монгалъ, въ званіи Тоюна или Тайши, и имѣетъ непрѣмное жилище на Ингодѣ. При записѣ въ подушной окладъ показано ихъ 4341 душа. Изъ прочихъ Даурскихъ Тунгузовъ принадлежатъ 8 родовъ, а душъ 290 къ Телембинскому острогу, да 5 родовъ, въ коихъ считается 239 душъ, къ Еравинскому острогу; въ прочемъ же приписано къ Олекминскому острогу 4 рода, а душъ 242; къ верхнему и нижнему Вилюйскому зимовью 10 родовъ, а душъ 870; къ тремъ зимовьямъ же на Маѣ, вышедшей изъ Лены рѣкѣ, 8 родовъ, въ коихъ 595 душъ; къ Колымскимъ острогамъ 5 родовъ Ламутъ, кочующихъ по берегамъ Восточнаго моря; ихъ записано въ подушной окладъ 397 душъ. Всѣ сии находящаяся въ Иркутской губерніи; шестъ же кочующихъ при Тунгузкѣ родовъ платятъ подушной окладъ за 200 душъ въ Енисейскъ и Мангазеѣ, и слѣдовательно принадлежатъ къ Тобольской губерніи.

Кромѣ сихъ въ пустыняхъ своихъ кочующихъ, странствуютъ еще и между другими язычниками небольшія артели или частныя Тунгузскія семьи, коихъ наберется около 1700. Сверхъ того, по собственному показанію Тунгузъ, кочуютъ по верхней Ангартъ, въ горахъ около вершины сей рѣки, нѣсколько совсемъ еще не переписанныхъ многолюдныхъ поколѣній. Въ горахъ къ Амуру, при Удѣ, Тунгузы отъ части и вовсе еще не считаны, а отъ части переписаны слегка. И по тому можно народъ сей почесть неизнапѣвшимъ въ Сибири, не считая Кипайскихъ Тунгузовъ, но полагая столько число платящихъ подушной окладъ душъ въпрое, въ замѣну женъ, дѣтей и выходцовъ.

Тунгузы росту средняго, и никогда ни чрезвычайно малы, ни съ лишкомъ велики не бывають; при томъ спатыи и вершлявы. Лицо у нихъ не столько плоское, какъ у Калмыковъ, и краска въ немъ живая; глаза маленькіе и острые, носъ небольшой и сухощавой, уши обыкновенной величины; волосъ черной и прямой, борода нарочито жидкая, а у иныхъ и совсемъ волосомъ не опушается; голосъ нѣсколько оспалой; въ прочемъ чрезвычайно зорки и чутки, но темъ тупее у нихъ чувствование и обоняніе. Дѣти совершенно походятъ на Калмычонковъ. Молодые женщины приманчивы по причинѣ изряднаго разположенія лица, чрезвычайной веселости и вѣжливости; спарухи напрошивъ того морщинами, копошью, и красными какъ огненный уголь глазами приводятъ въ ужасъ. Старики рѣдко бывають сѣды, и ходятъ до послѣдняго конца такъ прямо, и какъ на ходу, такъ и въ дѣлахъ своихъ столь бодрѣ, что сомнительно, не зная, почестъ ихъ и устарѣлыми.

Сложенія они самаго многокровнаго. У нихъ всегда на языкѣ и на дѣлѣ то, что на сердцѣ. Агаты кажется имъ дурно: и сіе самое предохраняетъ ихъ отъ подозрѣнія и клыта. Воровство и обманъ почитается у нихъ столь позорнымъ дѣломъ, что они по таковымъ попреканіямъ размѣниваются часто стрѣлами. Довольствуясь самыми необходимыми надобностями, ни къ чему, кромѣ оныхъ, не имѣютъ пристрастія: и по тому пребываютъ при прародительскихъ своихъ нравахъ и житейскихъ порядкахъ, безъ дальнихъ прихотей или зашѣй. Горести сего дня не растворяютъ они попеченіемъ о завтрашнѣ; но паче дѣлятся со всякимъ кто бы у нихъ ни случился, послѣднимъ кускомъ безкорыстно, и сѣдають оной съ веселостію. Да и въ такомъ случаѣ, когда нѣсколько дней сидятъ голодны за неимѣніемъ ни какого харчу, не унывають. Женитьба почти одно такое дѣло, при которомъ думаютъ они о будущемъ; да и въ томъ бываетъ имъ всегда удача, по тому, что они ни въ чемъ, слѣдовательно и въ самой любви, не разборчивы и къ неистовствамъ не склонны. Въ дѣлахъ ихъ видна осторожность, раченіе и способность. Они весьма скоро перенимають другіе языки, и въ верховой Вадѣ, звѣриномъ

премысла и спрѣлѣніи изъ луковъ искусны. Въ мѣстахъ, гдѣ коуютъ, знакомо имъ почти всякое дерево, всякой камень и проч. Слѣды звѣрей узнаютъ на утоптанномъ мхѣ, правѣ, или и просто по знакамъ на голой землѣ, гдѣ посторонній человекъ опнюдь не можетъ примѣнить ни чего особеннаго. Когда хотятъ имѣть свиданіе въ другихъ мѣстахъ, то мѣста умѣютъ описывать такъ точно, либо дѣлаютъ пальцомъ на снѣгу или на землѣ такіе чертежи, что неопытно, гдѣ надобно, сойдутся. Опважность ихъ, выходитъ съ обидчикомъ и изъ бездѣлицы на поединочную изъ луковъ перестрѣлку, при чемъ иной и жизни лишается, или устремляются на единѣ со стрѣлою и рогатиною на медвѣдя, составляя спрѣланную пропизность въ разсужденіи почти безчувственной ихъ холодно-сти при крайнемъ недосаткѣ, ранахъ, потерѣ друзей, имѣнія и проч. Они живутъ, кочуютъ, промышленуютъ звѣрей, ловятъ рыбу и пасутъ скотъ по большой часпи уединенно, и какъ вспрѣчаются, такъ и разлучаются между собою безъ радости и тоски. Богатые люди имѣютъ и у нихъ больше попеченія, и не столько щедры: однакожъ за безсильныхъ стариковъ платятъ подушной окладъ охотно.

Языкъ ихъ есть Манджурское нарѣчіе, и при томъ мягко, для выговору удобенъ и слуху приятенъ. Слова изображаются на письмѣ малымъ числомъ буквъ, которыя удобнѣе писать кистью, нежели перомъ, съ верху въ низъ. Но у нашихъ Тунгузовъ нѣтъ ни грамоты, ни школы. Знанія ихъ подтверждаются только на преданіяхъ и относятся къ ихъ состоянію. Щетъ ихъ простирается до 10, и по томъ удваивается. У нихъ есть лѣтній и зимній годъ: но они сами годовъ не считаютъ. Лѣта жизни или какого ни есть бытія считаютъ по тому, сколько разъ плашилъ Ясакъ, тому отъ рожденія придицать лѣтнихъ и столько же зимнихъ годовъ, слѣдовательно шестдесятъ лѣтъ. Въ таковомъ двойственномъ году считается тринадцать мѣсяцовъ или лунныхъ теченій (Бега), которыя называютъ они по естественнымъ приключеніямъ, какъ н. п. Иакунъ (цвѣтучной мѣсяцъ), Иринъ (плодоносной мѣсяцъ)

сящ) и такъ далѣе. При томъ названіи мѣсяцовъ не у всѣхъ одинаковы, но по житію ихъ разнятся. Въ прочемъ не празднуютъ они ни лѣтняго Нового года (Юани Ангани), ниже начала зимы (Туани Ангани).

Другасамъ ихъ надлежало бы токмо наблюдать порядокъ и рѣшить маловажныя споры, о важныхъ же предлагать Яашнымъ сборщикамъ: но спорящіеся охотибѣ разбиваются стрѣлами, либо подвергаются осужденію, по старинному своему обыкновенію, своей братіи, судящей обыкновенно по естественной справедливости, нежели предстаютъ предъ судъ начальства, дѣлающаго приговоръ на основаніи незнакомыхъ имъ законовъ, или налагающаго неупотребительныя у нихъ наказанія: по чему и нѣтъ между всѣми Нерчинскими преступниками ни одного Тунгуза. Поединочная изъ луковъ перестрѣлка (Кучигера) происходила прежде въ виду старостъ, которые опредѣляли мѣсто, отдавленіе и знаки, когда пускать стрѣлы. Вынѣ же принуждены они таковыя поединки скрывать; по чему и отходятъ многіе безвѣстно на потъ свѣтъ.

Убийство, когда произошло отъ ссоры, не уголовнымъ считается у нихъ преступленіемъ. Убийцу съкутъ плѣтми, и приказываютъ ему содержать сиротъ покойниковыхъ; въ прочемъ же не токмо не укоряютъ его братія злодѣянѣмъ, но еще и величаютъ его храбрецомъ. За драку наказываютъ палочными по голой спинѣ побоями, и сіе истязаніе называется у нихъ Идогачиганъ. Воровъ бьютъ, разыскиваютъ съ нихъ похищенное, и они остаются навсегда въ презрѣніи. За прелюбодѣніе наказуютъ однихъ только мужчинъ. Любовникъ долженъ или взять за себя любимую имъ дѣвку, заплатя напередъ опредѣленной выкупъ, или претерпѣть побои. Когда кто изъ черни похититъ честь у богатой или пригожей дѣвки, то долженъ опасаться, чтобы братія ея и приятели не разстрѣляли его изъ луковъ. Мужьямъ и женамъ драться не запрещено; и они пользуются при томъ одинакими правами; а кто кого ранитъ, того съкутъ при всемъ народѣ. Ежели женатые ужипыя не могутъ, то разводятся какъ ни будь. Проводимыхъ женами мужчинами у нихъ

нихъ довольно; да ещо имъ и не въ диковину. Бабы сидятъ обыкновенно дома одни; ихъ посѣщаютъ мимоходомъ спрансвующіе звѣриные промысленики; варятъ у нихъ себѣ пищу; ѣдятъ оную вмѣстѣ; и какъ тѣ и другія въ выборѣ не щекотливы, то скоро соглашаются между собою и о другомъ. Ежели мужу спаветъ уже не въ терпѣжъ; то поступаетъ онъ женою ся дружку и беретъ за себя другую изъ его рода. Таковой нарочито часто производящій у нихъ обмѣнъ называется на ихъ языкѣ Данира. Родимыя лѣтна, безпорядочное сложеніе пѣла, и густому волосъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ у женъ, которая бываетъ въ прочемъ рѣдко, почитаютъ они производимыми отъ дѣйствія дѣвола неустройствами: по чему и случаются у нихъ по сей причинѣ нерѣдко разводы, которые должны однакожъ производить всегда съ согласія старѣйшихъ.

Въ такихъ случаяхъ, когда не можно испытать истинны, берется на помощь присяга (Адакачанъ), которой есть у нихъ цѣлыя три рода. Самая послѣдняя состоитъ въ томъ, что обвиняемый беретъ ножъ и размахивая онымъ противъ солнца, говоритъ: ежели я виноватъ, то пусть солнце повелитъ болѣзньмъ разметываться съ моей нутренности такъ, какъ размахивается сей ножъ. Тяжкая клятва заключается въ томъ, когда обвиняемый взлѣзши на свято почитаемую гору, какъ н. п. на Восточной споронѣ Байкала на Шаманскую скалу, находящуюся неподалеку отъ теплыхъ водъ при рѣкѣ Фрелихъ, вскричитъ: ежели я виноватъ, толускай умру, или лишусь дѣтей и скота, не буду никогда на звѣриномъ промыслѣ щастливъ, ниже въ рыбной ловлѣ; то естъ говоритъ то, чемъ ему приказано клясться. Сама же большая присяга состоитъ въ томъ, что убивается собака залѣ огню, прободается копьемъ, а по томъ или сожигается или прочь бросается, обвиняемому же даютъ испить нѣсколько ся крови, при чемъ долженъ онъ говорить: кровь сію лью я на правдѣ; а буде лгу, то лускай погибну, сгорю или издохну, какъ сія собака.

Подать Сибирскихъ Тунгузъ, выкаючая Телембинскія поколѣнья, копорыя въ мѣсто подати исправляютъ на Монгалской

гальской границѣ Козацкія службы, состоишь въ парѣ соболей со всякой въ подушной окладѣ записанной души; а каждый соболь считается въ рубль. Они могутъ такъ же отдавать въ казну, цѣною на два рубля, оленьи кожи и другую мягкую рухлядь, или продавъ оныя плащитъ наличными деньгами. Мягкую рухлядь цѣнятъ присяжные люди. Всякое поколѣнье или семейство очищаетъ гуртомъ свой подушной окладъ, разделяетъ оной самопроизвольно, заставляетъ щасливыхъ и здоровыхъ звѣриныхъ промышленниковъ плащитъ за бѣдныхъ и престарѣлыхъ, и такъ далѣе. Даруги отдають подать подѣ весну казеннымъ приемщикамъ находящимся въ острогахъ или въ зимовьяхъ, куда посылаются около сего времени Козаки. Ежели сіи приемщики поступаютъ съ народомъ по честности и ласково, то великую получаютъ прибыль. Если н. п. подать еще не собрана, то приемщикъ или Козакъ оплачиваетъ оную въ казну изъ своихъ денегъ; а въ будущей срокъ получаетъ изъ одной честности отъ сихъ почти дикихъ людей обратно мягкую рухлядь не столько самой долѣ исправно, но часто еще и сверхъ того подарки. Тунгуская мягкая рухлядь, а особливо соболіи при верхней Ангартъ промышленые, по добротѣ своей славны. Ежели промыслы ихъ были удачны, то они не скупятся, но даютъ самое лучшее, да при томъ еще и не по долгу, но единственно по доброй волѣ.

Всѣ Сибирскіе, и слѣдовательно Россіи подвластные Тунгузы кочуютъ и разнятся между собою, смотря по тому, въ лѣсахъ ли въ степяхъ живутъ; по чему и не противно называть однихъ лѣсными, а другихъ степными Тунгузами. Лѣсные Тунгузы раздѣляются паки, по ихъ житію, на оленоводствующихъ, звѣроловствующихъ и рыбную ловлю производящихъ. Степные Тунгузы держатъ лошадей, рогатой скотъ, овецъ и проч. Заросто раздѣляются они на конныхъ, оленьихъ и собачьихъ Тунгузовъ, къ коимъ принадлежатъ звѣроловствующие и въ рыбной ловлѣ упражняющіеся; и хотя сіе не изъясляетъ общности народа, однакожъ показываетъ его состояніе.

Оленьи Тунгузы кочуютъ съ своими стадами, въ коихъ бываетъ отъ 20 до 1000 оленей и выше, въ высокихъ и лѣ-

систыхъ горакъ въ Даурѣи около Баунтскаго озера, около Охотка и при нижнихъ Ленскихъ рѣкахъ, какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Содержаніемъ оленей удовлетворяютъ они всѣмъ своимъ надобностямъ по примѣру Лопарей и Семояди, по тому, что оныя состоятъ только въ необходимыхъ нуждахъ самой природы; сирѣчь довольствуются мясомъ, молокомъ и сыромъ, изъ кожъ шьютъ одѣяніе, спятъ на нихъ, и покрываютъ ими свои юрты, изъ рогу и костей дѣлаютъ посуду, изъ жилъ нити и проч. при шомъ вѣдаятъ на оленяхъ верхомя и запрягаютъ ихъ въ сани. Словомъ сказать, олени все ихъ добро и имѣніе. Они всегда сами себѣ промышляютъ кормъ, или получаютъ по нѣскольку только горстей мху, когда стоятъ привязаны или запряжены въ сани. Въ зимнее время ходятъ мужчины для звѣринаго промыслу и въ нарочито отдаленныя отъ юртъ ихъ и стада мѣсна.

Звѣроловствующіе и рыбную ловлю производящіе Тунгузы все одни и тѣ же, и ни чѣмъ не разнятся; зимою ходятъ на звѣриной промыселъ, а лѣтомъ ловятъ рыбу. Для приволя какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ, безпрестанно странствуютъ и рѣдко долѣе трехъ дней стоятъ на одномъ мѣстѣ. Собравшись побольше людей въ артель, странствуютъ по всѣмъ лѣсамъ обширныхъ своихъ пустынь по большой части какъ особенныя семьи, которыя, когда встрѣяются случайно въ своей округѣ съ другими поколѣныя своего семейства, остаются правда на нѣсколько времени въ соединеніи, однакожь скорѣ безъ дальнихъ околичностей паки разлучаются, кочуютъ вмѣстѣ съ другими, и такъ далѣе. Они крайне бѣдны и ни чего, кромѣ звѣроловной и рыболовной снасти, да и то небольшой, и нѣсколькихъ собакъ. также одѣянія и юртъ, не имѣютъ. Сіе сказано о большой половинѣ; и изъ таковыхъ то мало существуетъ такихъ семей, которыхъ бы, когда не имѣютъ въ запасъ мягкой рухляди, не можно было тремя или пятью рублями до нага окупить: и по тому они не имѣютъ ни нужды, ни житейскихъ попеченій горестію растворенныхъ. Нѣкоторые имѣютъ по нѣскольку, а иные и до 10 смирныхъ оленей, которыхъ чрезвычайно берегутъ и рѣдко доятъ. Старые

рые люди и дѣвки вѣзятъ на нихъ верхомя; да на нихъ же перевозятъ и домашній скарбъ. Когда Тунгузы переправляются черезъ рѣки, то собаки и олени безъ принужденія слѣдуютъ за ними впадь и никогда не разбѣгаются, хотя въ лѣсахъ и довольно попадаетъ имъ дикихъ оленей, или когда и гонимы бывають хищными звѣрями или собаками. Для верховой вѣзды имѣютъ они небольшія сѣдла изъ оленьихъ реберъ, на которыя кладутъ сверху шубу; оленей же управляютъ словами, или рукою, а рѣдко веревочкою къ рогамъ привязанною.

Для приволя въ рыбной ловлѣ спранствуютъ во все лѣто отъ одной рѣки, озера или иныхъ какихъ водъ къ другимъ; и ходятъ при томъ на звѣриной промыселъ, когда вздумается. Для рыбной ловаи больше, нежели ради звѣринаго промыслу, живутъ въ округахъ, какія они между собою для всякаго поколѣнья опредѣляли. На воду пускаются они въ небольшихъ лодкахъ (Яу), состоящихъ изъ легкой деревянной основы, и такихъ же закраинъ, а обшитыхъ берестою, и при томъ такъ плотно, что вода ни какъ пройти сквозь оную не можетъ. Такія ихъ лодки въ низу нѣсколько плоски, съ обоихъ концовъ остры, длиною отъ 1½ до 3 сажень, въ верху шириною отъ 1½ до 2 футовъ, тяжестію иногда меньше, а иногда и больше пуда, но со всею темъ довольно крѣпки, и можно на нихъ не шокмо одному, но четверемъ и пяти человакамъ вѣдидь безопасно по рѣкамъ и большимъ озерамъ, да и на самомъ Байкалѣ, далеко отъ береговъ. Весла походятъ на лопаты; а гребутъ то темъ, то другимъ. Бродники, неводы и сему подобная рыбацья снасть, имъ неизвѣстна. Рыбу ловятъ удами, которыя опускаютъ въ воду черезъ край идущей на гребль лодки, да и прехзубчатыми желѣзными вилами (Керонки), которыхъ концы, длиною въ палецъ, имѣющіе зазубрины, отстоятъ одинъ отъ другаго на палецъ, и прикрѣдены къ удиу длиною въ сажень. Въ ночное время ложатся они съ зажженнымъ подгѣтомъ на брюхо на утесистыхъ мѣстахъ береговъ, или разбѣгають въ своихъ лодкахъ по водѣ. Искусство ихъ столь велико, что рыба кон-

рую запри́мѣнѣи и доста́тъ могу́тъ, рѣ́дко отъ вѣлѣ ихъ уходи́тъ. Когда осенью бываетъ о́моли (*) ходѣ изъ Байкала въ нѣкоторыя рѣ́ки, то дѣлаю́тъ они неподалеку отъ берега изъ прутьевъ сплетенную городѣбу, и спавѣи въ рѣ́кѣ наискось, а сами стоя́тъ позади оной въ водѣ и выбрасываю́тъ на берегѣ голыми руками пригоняемую къ городѣбѣ по причинѣ великаго множества, и шумѣ останавливающуюся рыбу.

Звѣ́ринный же промы́селъ производѣтъ различно. Они упо́требляю́тъ при томѣ луки, стрѣ́лы, рогатины, снаки, ловушки, а особливо самострѣ́лы, и приученныхъ къ гонѣ́бъ звѣ́рей собакъ. По причинѣ великаго множества настороженныхъ самострѣ́ловъ не можно безъ Тунгускаго проводника ходи́тъ или ѣзди́тъ по ихъ лѣ́самъ. Провожашые же признаю́тъ сѣи мѣ́ста по надломленнымъ вѣ́твямъ деревь или по другимъ какимъ едва примѣ́нимымъ знакамъ. По елику они ходѣи на звѣ́риной промы́селъ обыкновенно по одинакѣ́, и при томѣ смѣ́лы, то не мало пропадаетъ ихъ отъ несчастныхъ приключенѣй, паденѣя съ горъ, увязыванѣя ногами промежъ зыблющихся накинѣй, коими каменистыя горы усыпаны, также отъ быстроты рѣ́къ, отъ хищныхъ звѣ́рей, и такъ далѣ́е. Ежели кто изъ звѣ́риныхъ промы́шленниковъ переломи́тъ себѣ ногу или увязнетъ такъ, что ни какъ самъ выби́ться не можетъ; то удаленъ будучи отъ всякой помощи приближается медлительно или отъ мученѣя или отъ голоду къ концу своей жизни, ежели какой ни есть хищный звѣ́рь не прекра́титъ скорѣ́е его страданѣя. Упражнявшѣйся щасливо въ звѣ́риной или рыбной ловлѣ́ Тунгузъ принимае́тся за содержанѣе оленѣй; оскудѣ́вшѣй же оленѣй Тунгузъ беретъ за звѣ́ринный промы́селъ и рубную ловлю, либо разводѣи собакъ: но ни томѣ́, ни другой не промѣ́няе́тъ лѣ́совъ и горъ на чистые степи, или звѣ́ринаго и другихъ промы́словъ на скотоводство.

Сте́пные Тунгузы находятъ почти въ одной Даурѣ́и при Ононѣ́, Аргунѣ́, Баргузинѣ́ и проч. Они имѣ́ю́тъ лошадей, которые составляю́тъ главное богатство, рогатой скотѣ́, овецъ, козъ

(*) *Salmo gregarius*.

козъ и верблюдовъ. Во всемъ своемъ хозяйствѣ и житіи, такъ же въ юртахъ и прочемъ, унодобляются Бурятамъ, коимъ они посѣдовали, и уже во время Россійскихъ завоеваній жили съ ними въ сосѣдствѣ и упражнялись въ скотоводствѣ. Однакожъ они не столько заводны, какъ Буряты. Между Тунгузами не легко сыскать такого человѣка, который бы имѣлъ тысячу лошадей, пять сотъ рогатаго скота, до двухъ тысячъ овецъ, около ста козъ и до пятидесяти верблюдовъ; между Бурятами же, о которыхъ буду говорить послѣ, былъ бы такой человѣкъ не въ диковину. Оскудѣвшій степной или конный Тунгузъ служилъ своей братіи или Россійскимъ мужикамъ изъ хлѣба и пламежа за него подушнаго окладау.

Между лѣсными Тунгузами есть и кузнецы: но другихъ ремесленниковъ нѣтъ ни какихъ. Наковальня, молотъ, шерпукъ, клещи, которыми они такъ какъ и самое желѣзо вымѣниваютъ на мягкую рухлядь у собирающихъ подушной окладъ Козаковъ, раздувальныя мѣхи изъ тюленьихъ кожъ, подобныя нашимъ, не исключая и самаго мѣшечка съ угольемъ, тяжестію вообще не больше, какъ въ полпуда: по чему всякій кузнецъ весь свой приборъ совокупно съ припасами удобно можетъ носить съ собою подъ пазухою. Ежели гдѣ надобно ему поработать, то складываетъ въ одно мѣсто нѣсколько каменныхъ обломковъ, дѣлаетъ изъ глины для мѣховъ трубу, и кушетъ, сидя на землѣ, заступы, копѣйца на стрѣлы, огнивы, ножи, пилы, копы, жестяныхъ идиоловъ и сему подобное лучше, нежели бы подумать можно.

Женскія упражненія, сверхъ варенія пищи, смотрѣнія за дѣтьми и такъ далѣе, состоятъ въ сушеніи рыбы, выдѣлываніи кожъ, шитьѣ одѣянія, крашеніи и сему подобномъ. Мягкую рухлядь выдѣлываютъ изрядно; а особливо замша ихъ опѣшно хороша. Наимовыя и другія рыбы шкуры выдѣлываютъ они не хуже Обскихъ Отыковъ. Шитье ихъ и вичуры, изъ разщипанныхъ жилъ и волосу выводимыя, также крашеніе кожъ, а особливо шерсти съ бѣлыхъ козъ и лошадей свинаемой, весьма не дурны.

Юрты (Арань) и домашній скарбъ лѣсныхъ Тунгузовъ не меньше просты, какъ и самое ихъ житіе. Они составляютъ изъ 10 или 20 жердей или колышковъ столбъ, къ верху уже сведенный и скрѣпляющійся шамъ зубцами, на землѣ же занимающій пространства въ поперешникъ отъ 2 до 2½ сажень. Сто изъ колышковъ состоящую решетку покрываютъ они наметами изъ вываренной и на подобіе холста сшитой бересты. Края оныхъ обшиваютъ какъ для красы, такъ и для крѣпости полосками изъ бересты же, какъ будто песьмою. По самой серединѣ юрты виденъ очагъ, съ котораго поднимается дымъ сквозь полую вершину юрты. Въ мѣсто дверей раздвинуты двѣ жерди подалѣ одна отъ другой, и занавѣшены неприкрѣпленными берестовыми наметомъ, которой можно или опшопыривать или поднимать въ верхъ. Когда они откочовываютъ на другія мѣста, то решетки покидаютъ, а наметы, свернувъ въ трубку, берутъ съ собою. Таковы ихъ юрты на взглядъ весьма недурны; но отъ снужи, какъ легко разсудить можно, худое убѣжище. Зимой спавятъ ихъ наибольше въ закрытыхъ горѣ, лѣтомъ же такъ близко къ водѣ, что въ иную не привычному человѣку спрashi бы показалось и войши.

Домашній ихъ скарбъ состоитъ въ одномъ мѣдномъ либо чугунномъ кошлѣ, въ щепяныхъ, берестовыхъ либо и кожаныхъ сосудахъ, въ плетеныхъ ящикахъ, украшенныхъ кожей и шипами вичурами, въ мѣшкахъ (Чамбулахъ), колыбеляхъ, дыжахъ, саняхъ подъ собакъ, заступахъ, топорахъ, лодкахъ, снасти для звѣринаго промысла и рыбной ловли, оружіи и прочемъ. Заступы ихъ длиною футовъ въ полтора, нѣсколько выгнушы, и обложены желѣзомъ только на концѣ. Колыбели суть не иное что, какъ открытые ящики изъ бересты, въ вышину почти на пядень, и обплетены кожей. Они сведены шупимъ угломъ, на подобіе кресель; по чему перевязанное дитя сидитъ какъ будто прислонясь. А дабы голова у него не измялась, то вырѣзана на дѣ дыра. Надъ головою дитяти вѣшаютъ небольшихъ жестяныхъ идоловъ, какъ будто хранителей. Въ прочемъ можно такую колыбель и съ дитятемъ вмѣстѣ посредствомъ ремня вѣшать въ юртахъ, на вѣтвяхъ деревьевъ, также прикрѣплять

лать кѣ сѣлау или и черезъ плечо перевѣшивать. Юрпы и домашній скарбъ степныхъ или конныхъ Тунгузовъ подобны Бурятскимъ, которыя описаны будучъ послѣ, а послѣдній сходивуеиъ отъ части сѣ теперь только описаннымъ.

Одѣяніе ихъ сходно наибольше сѣ Якутскимъ, но темъ паче отпѣнно отъ одеждъ почти всѣхъ прочихъ Восточныхъ народовъ. Кожаное платье или шубы, которыя носятъ они на голомъ тѣлѣ, короткія штаны и долгіе кожаные или теплые сапоги, почти совершенно подобны Якутскимъ: однакожъ одѣяніе ихъ обыкновенно еще короче и уже, да и сапоги свои не такъ часто, какъ Якуты, украшаютъ черными и бѣлыми полосами изъ необдѣланныхъ звѣриныхъ шкуръ, но изпещряютъ ихъ красивымъ шитьемъ или спроченьемъ и бисеромъ. Въ штанномъ поясѣ естъ шнурокъ, которымъ прикрѣпляютъ они штаны къ поясицѣ; а въпереди виденъ небольшой въ пледъ длиною запонъ, изъ желтой или темной выдѣланной кожи, которая отъ части всплошъ, а отъ части въ низу только сѣ краю изрѣзана въ узенькія полоски. По елику верхнее платье, которое въпереди спягивается шнурками, не совсемъ сходится, то привѣшивають они по большой части красиво выспроченной, и корольками или раздувающимся крашенымъ волосомъ конскимъ или козымъ выложенной нагрудникъ, который шириною въ верху въ ладонь, а въ низу въ пледъ, достаеиъ до половины лядей, и держица около шеи на веревочкѣ. Лѣтомъ же носятъ они платье по большой части въ разнашку и нагрудника не надѣвають. Благогоубійные и суевѣрные носятъ на таковыхъ нагрудникахъ, а лѣтомъ и просто на груди, жестианаго идола, во образѣ человека, звѣря, птицы и проч. представленнаго, и уповають на его покровительство, ожидають себѣ отъ него щастія въ звѣриномъ промыслѣ, и такъ далѣе. Лѣтомъ носятъ также многіе изъ нихъ штаны и сапоги изъ наливовыхъ и другихъ рыбныхъ шкуръ. Зимомъ носятъ больше по икры только пущенные полусапоги изъ необдѣланной кожи сѣ оленьихъ или лосиныхъ ногъ, подѣ которые подшиваютъ конченныя подошвы. Зимнее одѣяніе шьется по большой части изъ бѣлыхъ оленьихъ шкуръ, но не рѣдко и изъ другихъ звѣриныхъ кожъ, которыя волосомъ обращаются на ружу, однако

нако ни чѣмъ не полибе лѣшняго замшанаго плащя. Они споль-
ко любящъ легкое, свободное и разнашисное или странное
на взгядѣ плащье, что кромѣ волосяной бахрамы, шири-
ною въ ладонь, около обшивки плащя находящейся, приши-
ваютъ нерѣдко еще и къ пояснищѣ большіе, пледени въ двѣ
длиною, пuki изъ бѣлаго, краснаго или чернаго волосу, ко-
торыя раздуваются отъ вѣпру такъ, какъ и бахрамы. Лѣ-
томъ ходятъ всѣ простоволосы; а зимою носятъ шапки изъ
звѣриныхъ кожъ, а особливо изъ серныхъ головъ, на кото-
рыхъ оспавляютъ какъ уши, такъ и молодые рога; отъ
части же надѣваютъ на голову и небольшія скуфѣ подобныя
пелавя шапки, которыя, когда шерстью пускаются въ низъ,
спрочашъ волосами и рашецуряютъ бисеромъ. Волосы завязы-
ваютъ лѣсныя Тунгузы на запятыкѣ плотно, и такъ ихъ ос-
павляютъ не запелая; къ завязкѣ же прикрѣпляютъ краси-
вую кородками унизанную накладку. Олены Тунгузы, когда
волосы кородки, часто ихъ и не перевязываютъ. У многихъ
видны на лицѣ, какъ у Американцовъ, Гренландцовъ и нѣко-
торыхъ другихъ народовъ, а именно на щѣкахъ, на лбу, и на
подбородкѣ синими точками выведенныя изображенія, пред-
ставляющія пропязженія, дуги или безпорядочные виды; пше-
славные родители вышиваютъ ихъ шестипи и десятипильнымъ
мальчикамъ и дѣвочкамъ намоченными сперва слюною, а по-
томъ около копла въ сажѣ вычерненными нитками, которыя
продѣваются сквозь кожу токмо на пролетѣ. Лицо крайне отъ
таковаго шитья разгорается; но синіе пятнышки или точки
никогда не пропадаютъ. Теперь дѣлается сіе единственно изъ
пышности; а въ прежнія времена, какъ и Иродотъ утвер-
ждаетъ въ разсужденіи Ераклія, означало оно горевъ. Мно-
гіе перевѣшиваютъ лѣтомъ черезъ плечо для пуганья мухъ пу-
чокъ конскаго волосу, и при томъ носятъ при себѣ мягкую и
блестящую кожу съ селезнихъ головъ, для выпиранія оною
изъ глазъ мошки.

*Женщины носятъ такое же точно платье, какъ и муж-
чины, и не больше ихъ наблюдаютъ чистоту и въ разсужде-
ніи своего тѣла. Бабы и дѣвоки по платью ни какъ разпозна-
вать*

Шынызын.
Ein Tungus.
Un Toungouse.

Монголъ въ охотничьемъ платьѣ съ тыла.
 — En Turgus im Jagd Kleid rückwärts.
 Un Tougouse en habit de chasse par derrière.

вать не можно. Бабе одѣяніе обыкновенно бываетъ нѣсколько попомяе, также по большей части красивѣе и опрятнѣе мужскаго. Нѣкоторыя носятъ около шеи узкія решетки изъ пропозокъ, покрывающія нѣсколько и грудь. Иныя прицепляютъ къ платью, посѣдя обычаю Якутѣ, наперстки и другія брякушки (Удинѣ). Лѣпомя носятъ многіе совсемъ изъ рыбихъ шкурѣ, по вышеописанному порядку, сдѣланное платье. Женщины трудятся надъ всемъ темъ, что принадлежитъ къ одѣянью, чрезвычайно рачительно, и оказываютъ въ шитьѣ и спроченьѣ большее искусство, нежели какого бы чаять можно было отъ сихъ непросвѣщенныхъ людей. Молодые, изрядно одѣтые Тунгузы и Тунгузки собою статы, миловидны, веселы, смѣлы въ поступкахъ, и нарочито пригожи. Шаманы и Шаманки при совершеніи своего идолослуженія наряжаются совсемъ опмѣнно: но объ нихъ буду говорить послѣ.

Стелные или конные Тунгузы живутъ и одѣваются лучше и нѣжнѣе, совершенно сообразно Буриатамъ; и при томъ заплетаютъ они по Монгольскому обыкновенію волосы на макушкѣ, а въ прочемъ бреютъ всю голову.

Они ѣдятъ всѣхъ четвероногихъ звѣрей, не исключая и хищныхъ, также ласточекъ, мышей, словомъ сказать все безъ разбору, да и самую падалицину, когда только не съ лишкомъ воняетъ; всѣхъ птицъ и рыбъ: но змѣи, ящерицы, лягушки, наѣкомые и черви кажутся имъ гусны. Изъ царства растительнаго заимствуютъ они себѣ въ пишу разные корни, вырываютъ ими въ изобильномъ количествѣ изъ норъ водящихся въ странѣ ихъ особаго рода мышей (*), также опмѣнную свою сарану (**), комки изъ тарлыку (***), свиной спрѣлы или молочайнику (****), разныя дикорастущія ягоды, а изъ травъ больше дикіе роды прау.

(*) Mus economicus. Pall.

(**) Lilium Martagon & pomponium.

(***) Polygon vivipar.

(****) Sangviforba.

Зимній запасъ лѣсныхъ Тунгузовъ состоитъ кромѣ того, что доставлятъ они ежедневно на охотѣ, въ замороженныхъ, сушеныхъ на солнцѣ, или копченыхъ рыбахъ, въ мясѣ такимъ же образомъ отъ порчи сохраняемомъ, въ мерзлыхъ дикорастущихъ ягодахъ, а у оленихъ Тунгузовъ еще и въ сыѣ Запасъ хранятъ отъ части въ вырытыхъ въ землѣ погребахъ, а отъ части въ небольшихъ голубяшняхъ нашихъ подобныхъ чуланахъ, которые они для безопасности отъ хищныхъ звѣрей строятъ выше земли на одну или и на двѣ сажени на лѣсныхъ срубленныхъ деревь.

Пищу готовятъ себѣ просто и неопытно. Мясa, какое бы ни было, отнюдь сыраго не ѣдятъ; варятъ же просто въ водѣ почти всегда безъ соли, или жарятъ, держа надъ огнемъ на деревянныхъ рожнахъ. Бѣства ихъ Силою есть не иное что, какъ мясо смѣшанное съ дикими кореньями. Кровяныя колбасы дѣлаютъ совсемъ просто, а именно: выворотя кишку, наполняютъ ее безъ всякаго чищенія кровью, а по томъ варятъ. Когда они изрубленные попрочи вмѣстѣ съ кровью кладутъ въ кишки, то колбасы ихъ называются тогда Нилми. Жиръ и сало ѣдятъ изъ горсти голое безъ хлѣба и соли. Копченое мясо и рыбы, равно то и другое на солнцѣ сушеное, ѣдятъ безъ всякаго варенія. Самая мерзкая ихъ Бѣства есть жареное или вареное мѣсто роженицъ, которое они въ первомъ случаѣ Силою, а въ другомъ Едехаю называютъ. Отцы почитаютъ его наилучшимъ кускомъ, да и матери отбѣлаваютъ; при томъ созываютъ для отбѣдыванія сей Бѣствы однихъ только наивѣличайшихъ друзей, къ которымъ въ семъ случаѣ не всякъ бы чужой человекъ пожелалъ быть причисленъ. Когда они отъ принимающихъ подать Козаковъ могутъ вымѣнить на мягкую рухлядь муку, то варятъ изъ оной жидкую соломаху.

Они любятъ всегда чистую воду, весною по нѣсколько березового соку, мясные и рыбные отвары, и вареную съ пьяною травою (*), съ серебрянными листочками, и съ шелухою кедровыхъ шишекъ, воду безъ всякой другой примѣси. Дабы слю-

на

(*) Rhododendr. davric.

на служила дѣшомъ къ утоленію жажды, то жуютъ листичной клей. У лѣсныхъ Тунгузовъ, кромѣ табаку, нѣтъ въ употребленіи ничего пьянаго, да и помѣ курятъ изъ маленькихъ Кипайскихъ трубокъ, перебивавъ съ мхомъ: по чему и бывають во всю жизнь свою трезвы. Охотки и другія сѣверныя поколѣнья употребляютъ для веселости духа такъ, какъ Опяки и Якушы, мухоморы. Спешные и заживившіе олени Тунгузы пьютъ дѣшомъ *дереквашенное* молоко, а первые и вино изъ молока выкуренное. *Перегонный приборъ* весьма сходствуетъ съ темъ, какой у насъ употреблялся. Они ставятъ на кошелъ наполненной кислымъ молокомъ деревянное дуло, по серединѣ котораго находится решепчатая доска, у коей на верхней спорѣ сдѣланы желобочки, склывающіеся къ боковой дула скважинѣ. Съ наружи покрываютъ они дуло на верьху войлоками, а скважины около кошла замазываютъ глиною. Поднимающіеся отъ разложеннаго подъ кошломъ огня сквозь решетку крѣпкіе пары, собирающіеся въ желобочкахъ и спускаютъ боковою скважиною, къ коей приделана труба, проводящая ихъ въ сосудъ.

Въ обхожденіи они опіюнь себя не принуждаютъ. Они говорятъ не много, да и то безъ сколичностей. Будучи по природѣ люди добрые, всегда ве слы и рѣдко одинъ другаго обижаетъ. Прозивъ у нихъ вовсе нѣтъ, но всякъ пребудетъ того, чего желаетъ, и вѣрно получаетъ, когда только есть что дать; либо въ то же самое время слышитъ отказъ безъ огорченія. Нежностіи вышшаго степеніи имъ не знакомы: однакожъ свойственна имъ какъ будто холодная, но дѣльная дружба. Они иногда и нѣсколько лѣтъ не выдавши, не здороваются; да и расстаются по большой части безъ прощанья, и слушаютъ безъ примѣтнаго состраданія, когда гозорятъ о нечестіяхъ, да и о самой смерти ихъ друзей. До старости же дожившіе друзья увидѣвшись послѣ долговременной разлуки обнимають другъ друга, и при томъ иногда такъ плотно, что въ лицѣ оба посинѣють; иногда же и дѣлуются. Женской полъ и у Тунгузъ гораздо чуждѣе: нѣтъ мужескаго; иногда стонѣ немалаго труда воздержатъ молодыхъ вдовъ отъ самоубійства, и такъ далѣе. Ласковыя ихъ слова суть слѣдующія: дружокъ (Ника), дитетка (Ута), батюшка

бабушка (Амениканъ), матушка (Онимиканъ), старичокъ и добринькой (Капипунъ). Упопробительнѣйшія же *ругательства* суть: воръ, бѣсѣ, (Буни), проклятой (Чилкуръ). За подарки почпи и не благодарятъ: но при всемъ томъ оказываются весьма услужливыми провожаютъ своихъ благодѣтелей нѣсколько дней долѣ, и доставляютъ имъ иногда и на свой счетъ забавы, которыя въ естественномъ ихъ состояніи почитаются наибольшими. Сколько они голодъ свосить могутъ, столько напротивъ того и ѣдятъ здорово, да при томъ безвременно. Во время ѣды сидятъ на землѣ на дышкахъ. Кто бы ни пришелъ, всякаго угощаютъ, хотя и послѣднимъ кускомъ. Ни передъ ѣдою, ни послѣ оной не молятся. Для прогнанія отъ себя дѣлающей въ превеликомъ множествѣ мошки, которая крайне безпокойна, перебививаютъ часто, кромѣ махала и селезыхъ головъ, какъ о томъ сказано выше, небольшіе горшечки, въ которыхъ курится гнилое дерево, черезъ плечо такъ, что курено сіе то въпереди, но назадъ виситъ, смотря по дѣлу ихъ и по вѣтру: и такъ они безпрестанно бываютъ въ дыму, отъ чего около носа нарочито смугла бываетъ у нихъ кожа.

Чистота не въ великой у нихъ чести. Они никогда не умываются, и ни какой посуды не вымываютъ, но за велико считаютъ и то, когда выпрутъ овчиною, которую вытаскиваютъ иногда и изъ колыбели. Когда у себя или у дѣтей выискиваютъ вшей, то гадину сію глотаютъ. Они не гнушаются и дѣтскими нечистотами; сопливые ихъ носы берутъ къ себѣ въ ротъ, и высосавъ возгри глотаютъ; много у нихъ и другихъ таковыхъ мерзостей. У людей живущихъ столь оопѣвѣственно простотѣ человечества, не могутъ быть наблюдаемы наши понятія о стыдливости. Дѣти, будучи уже и нарочито взрослые, ходятъ не рѣдко совсемъ нагіе; да и совершеннолѣтніе обоихъ половъ, однако не дѣвки, сидятъ также возагъ огню нагіе до половины, то есть имѣютъ на себѣ одни только коропенькія штаны, или попрыгиваютъ въ такомъ же состояніи и въ своихъ юртъ. По привычкѣ и по тому, что почти всѣ взрослые женаты, обычай сей безвреденъ и не соблазнитель.

Лѣсные

Лѣсные Тунгузы при естественномъ, презвомъ и нена-
тужномъ житіи своимъ не прельщаются ни деньгами, ни круш-
цами, выключая желѣзо, ниже другимъ чемъ, надобнымъ намъ
по жипейскимъ нашимъ обрядамъ и прихотямъ. Напротивъ
того дѣтей, здоровья и старости желаютъ. Они любятъ дѣ-
тей чрезвычайно: но сіи бывають имъ на старости и питомцами.
Однако они не плодородны: мало такихъ матерей, которые
имѣють четверыхъ дѣтей; а сіе происходитъ можетъ быть ча-
стѣю отъ суроваго житія и отъ того, что долго кормятъ дѣтей
грудью, то есть иногда и до пятого года. Бабы ихъ родятъ
легко, и начинають тотъ часъ послѣ родовъ ходить; да и
опкочовывають вмѣстѣ съ мужьями, которые почитають ихъ
четыре недѣли послѣ родовъ нечислыми. Кто ни будь изъ
пришелецъ нарекаетъ младенцу безъ всякихъ обрядовъ вѣры имя,
какъ и. п. мальчикамъ: Шемнига, Уркунду, Лавинка, Атунга,
и такъ далѣе; а дѣвкамъ: Аланмуръ, Оюкъ, Тунгилби и проч.
Младенцы лежатъ въ колыбеляхъ нагѣе, и обсыпаны во кругъ
изтертымъ гнилымъ деревомъ; покрывають же ихъ шубнымъ
лоскутомъ.

Многоженство у нихъ не запрещено, и многіе имѣють
женъ по пяти, однакожъ больше такихъ, у которыхъ по од-
ной только женѣ. По елику всякъ старается, какъ можно ско-
рѣе, завестись своимъ хозяйствомъ; по сочепаніе для обоихъ
половъ нужно, и совершается въ весьма молодыхъ лѣтахъ; по
чему пятнадцатилѣтніе мужи и двенадцатилѣтнія бабы и вдо-
вы у нихъ нерѣдки. Не вѣстъ они выкупають. Степные и ко-
ные Тунгузы даютъ за невесту выкупъ (Шурунъ) отъ 20 до
200 всякаго скота; олений Тунгузъ даетъ отъ одного до
20 оленей; рыболовствующій Тунгузъ платитъ за избраннаго
своего нестя года по 2, по 3 и больше подушной окладъ.
Приданое (Иши) равняется почти противу четвертой доли
выкупу; невеста же даритъ отъ себя жениха платьемъ, ко-
торое служитъ свидѣтельствомъ въ разсужденіи искусства ея
въ выдѣлываніи кожъ и шитьѣ. По исполненіи рядной начи-
нають женихъ и невеста спать вмѣстѣ, безъ предваритель-
ныхъ торжественныхъ обрядовъ; когда же они переходятъ

жить въ новую юрту, то бываетъ празднество. Ковные Тунгузы бѣдящъ при томъ съ друзьями своими и пріятелями лошадей, олени олени, а рыболовшающую дикаго звѣря, какого къ сему случаю убитъ удастся, какъ н. п. волка или лисицу. Въ случаѣ же неудачи въ звѣриномъ промыслѣ убиваютъ собаку; по крайней мѣрѣ дастъ обѣщаніе поднять таковой столъ жениховъ отецъ или свекоръ.

Увеселенія ихъ при брачныхъ поѣздахъ и въ праздники состоятъ въ повѣствованіи вымышленныхъ приключеній, которыми они иногда и воспѣваютъ, въ пѣсняхъ о звѣриномъ промыслѣ, о любви и проч. въ пляскѣ по досчатой скринкѣ (Куръ) о прехѣ струнахъ; мужчины же забавляются наиболѣе бѣганьемъ въ запуски, выпереживаніемъ на лошадяхъ, и спрѣляньемъ изъ луковъ.

Болѣзней у сихъ крѣпкихъ, умѣренныхъ, веселыхъ и безпечныхъ людей мало, а собственныхъ и вовсе нѣтъ: однакожъ рѣдко кто и у нихъ доживаетъ до глубокой старости. Старики лѣтъ въ 70 весьма у нихъ рѣдки. Рѣдкіе глазъ отъ дыму, и цыга отъ непривычки къ спокойному житію, суть обыкновенныя слабости въ старости. Нѣсколько кратъ, да и за припадкомъ лѣтъ предъ симъ, весьма нагубна для нихъ была оспа. Идолослужители ихъ суть совокупно и врачи; стараются же пособить домашнимъ лѣкарствомъ, приношеніемъ жертвы и волшебствомъ.

Покойниковъ своихъ хоронятъ въ одѣяннѣ, и надѣляютъ ихъ табачною и другою надобностію; мужчинамъ же даютъ и оружіе. Когда отъ покойника не было особливаго завѣщанія, то погребаютъ его тамъ, гдѣ умеръ; Шаманы и другіе хотятъ исцѣлить на чистомъ воздухѣ, по чему и покрываютъ ихъ только камнями и хворостомъ, у первыхъ же вѣшаютъ еще и барабанъ; нѣкоторые, напротивъ сего, желаютъ преданы быть погребенію или возлѣ родственниковъ или возлѣ какого ни есть любимаго дерева. Похороны отправляютъ пріятели безъ всякихъ обрядовъ; а по томъ одинъ послѣ другаго поочуютъ

Тунгуской Шаманъ при рѣкѣ Арзунѣ съ посохомъ.
 Ein Tungusischer Schamann am Arzun-Fluss vorwärts.
 Devin toungeuse auprès de l'Arzoun par devant.

Мунгуской Шаманъ при рѣкѣ Аргунѣ сзади.
 Ein Tungusischer Schamann am Argun Fluss rückwärts.
 Devin toungeuse auprès de l'Argoun par derrière.

чуютъ покойника, спавя на могилу его пищу и питье: и сіе называется у нихъ Шитураль.

Законъ содержатъ языческой по Шаманскому толкованію. Верховное или всеобщее божество называютъ Боа, діавола Буги, а идолослужителей и волшебниковъ Шаманами.

